

M $\frac{135}{395}$

1836

**ФОНДЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ СССР ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА
ЯВЛЯЮТСЯ ЦЕННЕЙШИМ НАЦИОНАЛЬНЫМ ДОСТОЯНИЕМ СОВЕТСКОГО НАРОДА — БЕРЕГИТЕ ИХ!**

Не делайте никаких пометок и не подчеркивайте текст. Не перегибайте книгу в корешке, не загибайте углы листов.

Внимательно просматривайте книгу при получении. Сообщите о замеченных дефектах библиотекарю немедленно.

Не выносите книги и журналы из читального зала в буфет, курительную комнату и другие места общего пользования.

Книги, полученные по междубиблиотечному абонементу, могут быть использованы только в читальном зале.

Возвращайте книги в установленные сроки.

В случае инфекционного заболевания в квартире абонент обязан сообщить об этом в Библиотеку.

Лица, виновные в злостной порче и хищении книг, отвечают по суду в соответствии с Постановлением СНК РСФСР от 14 сентября 1934 года «Об ответственности за сохранность книжных фондов».

M 135
395

№ 135

**О ТВОРЯЩЕЙ СИЛѢ
ВЪ ПОЭЗИИ**

ИЛИ

О ПОЭТИЧЕСКОМЪ ГЕНІѢ.

=

СОЧИНЕНІЕ

Александра Никитенко.

=

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. Смирдина, И. Глазунова и К^о.

1856.

Antiquary Copy Books

Handbily

Wuan, nuba

Om alnye

1837. Aug 1.

2
22

M

135

395

0

**ТВОРЯЩЕЙ СИЛЪ
ВЪ ПОЭЗИИ**

ИЛИ

О ПОЭТИЧЕСКОМЪ ГЕНІѢ,

СОЧИНЕНІЕ

ЭКСТРА-Ординарнаго Профессора Император-
скаго Санктпетербургскаго Университета

Александра Никитенко.

Проданъ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

Печатано въ типографіи А. Смирдина, И. Глазунова и К^о.

1856.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

По определению Университетского Совета, Декабря
29 дня 1836 года.

*Секретарь Совета Надворный Советникъ
Александръ Брутъ.*

2007056709

О ТВОРЯЩЕЙ СИЛѢ ВЪ ПОЭЗІИ

или

О ПОЭТИЧЕСКОМЪ ГЕНІѢ.

Приспупая къ разсужденію объ одномъ изъ важнѣйшихъ феноменовъ челоѵческаго духа, — къ разсужденію о творящей силѣ въ Поэзіи, я не пишу дерзкой надежды разрѣшить множество вопросовъ, къ коимъ подаютъ поводъ сей обширный, неизчерпаемый предметъ. Довольно, если мнѣ удастся пояснить нѣкоторыя его спорныя и представить нѣкоторыя соображенія, можетъ быть, несовсѣмъ бесполезныя для Философіи Искусства, споль могущественно дѣйствующаго на нравы и образованіе людей. Если бы подобныя изслѣдованія и не доводили до желаемыхъ результатовъ, то они не излишни уже и потому, что обращаютъ умъ мыслящихъ людей къ предметамъ, способнымъ ихъ воз-

высипь. Нельзя думать объ испинахъ важныхъ безъ того, чшобы онѣ не оставляли благошворнаго слѣда въ тайныхъ изгибахъ души нашей; эшо молишва, кошорая если не всегда низводитшъ великое до нашихъ нуждъ, шо всегда освящаетъ наше сердце, возводя насъ самихъ къ нему.

Можно въ Искусствахъ допустить двѣ поспоянно дѣйствующія силы — одну *зизж-душую*, друую *образуюшую*. Одна вноситъ въ мѣръ и олицепворяетъ первоначальныя, основныя идеи жизни, кошорыя, какъ сѣмена, лежатъ искони въ шайнспвенныхъ хранилищахъ челошческой природы и наконецъ должны, каждая въ свое урочное время, процвѣсти и сдѣлаться факшомъ Испоріи; другая сила развиваетъ эти идеи, даетъ имъ разнообразныя формы, какія только онѣ способны принять, управляетъ ихъ движеніемъ и распространяетъ ихъ вліаніе въ поколѣніяхъ и вѣкахъ. Одну называютъ *геніемъ*, друую можно назватъ *умомъ художественнымъ*.

Съ понятіемъ геній мы сопрягаемъ значеніе болѣе высокое, чѣмъ опредѣленное, болѣе удивляемся ему, чѣмъ его изучаемъ. Мы при-

выкли почипашь его явленіемъ чрезвычайнымъ. Это и справедливо, потому что очень рѣдко соединяются условія, долженствующія вызвать его на поприще и образоваць. Но что такое геній по своей природѣ? Это естественная, неподдавленная мощь человеческого духа, коему дана возможность сосредоточить всѣ свои силы, всѣ пружины и побужденія въ одной определенной идеѣ. Эта сосредоточенность производитъ чудесныя послѣдствія; ее-то именно не доспаетъ людямъ обыкновеннымъ. Ихъ силы и стремленія разсѣваются по разнымъ направленіямъ, дробятся, каждая преслѣдуетъ свою отдѣльную цѣль — и наконецъ ослабленныя симъ разединеніемъ, всѣ они перяются въ жизни безъ подвиговъ и блеска, какъ разорванныя облака перяются въ пространствѣ воздушномъ, не посылъ на землю ни дождя, ни грозы. И такъ нѣтъ еще ничего необычайнаго въ эпоху полношъ и крѣпости силъ, какими одаренъ человекъ геніальный: таковъ долженъ быть человекъ въ здоровомъ состояніи своей естественной организаціи. Но чрезвычайность въ томъ, какимъ образомъ эти силы избѣгли дѣй-

спвія разрушительныхъ началъ , положенныхъ судьбою въ самомъ человѣкѣ и въ обстоятельствахъ враждебныхъ ему опъ колыбели ; чрезвычайность для насъ въ эпомъ таинственномъ актѣ , по коему известная идея проникла ихъ своею жизнью и сливъ ихъ съ собою , образовала дивное нравственное могущество. — Природа такъ ли скупа на людей гениальныхъ , какъ намъ кажется ? Если бы можно было опредѣлить съ точностію обстоятельства , попрясающія душевныя силы при самомъ ихъ пробужденіи , уловить ту роковую минушу , копорая , какъ первоначальный ударъ , двинувшій планеты по ихъ вѣчнымъ путямъ , — первымъ своимъ впечатлѣніемъ образуешь для юной души кругъ ея жизни и дѣятельности : — намъ представилось бы зрѣлище наставительное и печальное. Сколько увидѣли бы мы блистательныхъ надеждъ исплывающихъ въ прахъ ! сколько способностей , у коихъ опныта прекрасная будущность ! Для насъ эпо не очень упышительно ; но не должно забывать , что въ многосложномъ планѣ мірозданія иногда тысячи грубыхъ , необработанныхъ камней важнѣе , чѣмъ нѣсколько великолѣпныхъ колоннъ , копорыя можешь воз-

двигнуть рука человеческая. Природа готовишь материалы для нашего быта, а Исторія ими располагаетъ, усредняя все явленія къ общимъ цѣлямъ и благословляя на жизнь и безсмертіе только то, что хорошо на своемъ мѣстѣ. Удивительно ли послѣ этого, что такъ рѣдко встрѣчающа намъ люди съ полномочіемъ жить и дѣйствовать для одной великой цѣли — и не должны ли мы признавъ истину положительную въ извѣстной мысли, что людей гениальныхъ является не болѣе, какъ сколько ихъ нужно для потребностей вѣка? Въ самомъ дѣлѣ, что значили бы все приуготовительныя усилія Природы для образованія извѣстнаго нравственнаго могущества, если бы общество не призывало его къ дѣятельности именемъ своихъ нуждъ? Человѣкъ, кошораго мы называемъ гениальнымъ художникомъ, являсь въ вѣкѣ варварства, можетъ быть, былъ бы такимъ же суровымъ сыномъ войны, какъ и шолна, среди коей онъ родился, — и величайшій полководецъ новѣйшихъ временъ, во дни мирной гражданственности, по собственному его признанію, простеръ бы руку не къ скипетру, но къ ма

шешашическому циркулю. Вопшь почему прежде еще чѣмъ геній угадаешъ свое призваніе, общешство должно ему покровительствовать. Оно пригоповляетъ ему поприще и цѣль; оно окружаетъ колыбель его своими пошребностями, своими желаніями. Эши пошребности и желанія лелеюшъ его первые порывы, берегаютъ его для великой будущности. Они призываютъ его или на поле брани для окончательнаго рѣшенія кровавыхъ распрей, или пребуюшъ опъ него успокоительныхъ истинъ во дни пагубной шашности умовъ, просятъ у него высокихъ пѣсней, или храма для достойнаго поклоненія Богу. Надобно, чшобы общешство могло всего этого желать. Тогда человекъ могущешвенный духомъ, по шайному внутреннему влеченію спѣшишъ средошочіемъ своихъ силъ оперешся на предметъ, достойный занять ихъ, способный возбудить великія помышленія и великія надежды въ сердцѣ. Тогда одна несокрушимая мысль овладѣваетъ всѣмъ его существомъ: ибо въ этой мысли заключается для него полное сознание себя и разцвѣшаетъ надежда безмершя. Ей, какъ избранной невѣстѣ, опдалъ онъ первый вздохъ

свой, ей опдасть и послѣдній. Чѣмъ пламеннѣе успремляется онъ къ своей идеѣ, чѣмъ глубже ее развертываетъ, чѣмъ болѣе исполняется жизни въ ея божественномъ лонѣ, шѣмъ менѣе уже способенъ жертвовать своею любовію и силами инымъ цѣлямъ. Здѣсь заключенъ союзъ на жизнь и смерть. Онъ дѣлаешь геніальнаго человѣка одностороннимъ; но только подѣ условіемъ сего союза можешь образоваться на сосредоточенность силъ, безъ коей нѣтъ могущества, нѣтъ генія. Скоро люди примѣтятъ, что они дали высипься среди себя огромному превосходству; они не желали этого; они пребовали его подвиговъ, а не славы, — они думали, что призывали его къ служенію, а не ко власни. Но уже поздно. Онъ можешь умереть съ разтерзаннымъ сердцемъ на порогъ Капполоія, можешь облечся въ рубище вмѣсто багрянницы. Но дѣло, имъ совершаемое, свершится. Онъ не изнеможеть отъ препяствій: напрошивъ онъ окрѣпнеть въ бипвъ, — въ школъ злополучій просвѣтнися, и лавры неплѣнные прозябнушь на терніи его вѣнца. Онъ общихъ свойствъ генія мы перей-

демъ къ свойствамъ генія поэтическаго. Первоначальная оплчишельная черта въ его характеръ есть, безъ сомнѣнiя, особенное *воззрѣнiе* его на жизнь и природу, съ коимъ сопрягаются и способъ его мышленiя. Сiе послѣднее направляется у него по пути синтеза, а не анализа. Умъ его стремится не къ явленiямъ въ частныхъ опправленiяхъ ихъ жизни, а къ идеямъ эпическихъ явленiй, къ самой жизни. Философъ также восходитъ на эту высокую мысли, но другимъ путемъ. Онъ идетъ къ ней по ступенямъ эмпирическихъ разносней и сходствъ, и только спезею опвлеченiя и умозаклученiй достигаетъ единства ихъ и средопочiя; опъ сего единство это у него есть не иное что, какъ *понятiе*. Захочетъ ли онъ сiе послѣднее превратить въ чисную живую идею? онъ долженъ сбросить съ него иго всѣхъ предъидущихъ механическихъ построенiй, онъ долженъ, какъ сказашь, поперыть изъ виду вещи и обнять умомъ своимъ одинъ духъ ихъ, одно общее неизмѣнное значенiе ихъ жизни. Но тогда мы увидимъ его на одной ступени съ поэтомъ. Вошь почему справедливо осуждають Философию,

когда она располагаетъ умозрѣніями своими
синтептически. Для самобытнаго свободнаго
творчества это хорошо, но для познанія па-
губно: ибо въ познаніи недовольно видѣшь то,
отъ чего вещи зависящъ, надобно видѣшь
и то, какъ онѣ зависящъ. И такъ предъ гла-
зами генія поэпического жизнь и природа
открываются въ высшемъ значеніи; вся борь-
ба разноспей, всѣ мелкіе происки оспдѣль-
ныхъ существъ, посредствомъ коихъ они
сплящяся обезпечивъ свое личное бытіе и
овладѣвъ большимъ участкомъ силъ и само-
ощущенія, — все это не существуетъ для не-
го. Вездѣ видишь онъ соотношенія гармонич-
ческія и слѣд. красоту: ибо гармонія есть вы-
сочайшая принадлежность красоты. Геній
поэта не ищетъ вынудить у Природы, если
смѣю такъ выразиться, тайны ея ремесла;
онъ не сходитъ въ ея лабораторію, чтобы
быть свидѣтелемъ шѣхъ осправлений и опе-
рацій, коими вырабатывается ея разнообраз-
ная и богатая жизнь: ему досталась иная,
оспраднѣвшая доля. Онъ призванъ для уча-
спія въ торжественномъ пиршествѣ приро-
ды, приглашенъ наслаждаться плодами ея

спрогой экономіи и раздѣляшь радость шворенія полнаго и довершеннаго: тяжкіе сполны муки, въ коей раждалось оно, не превозжили его слуха. Въ какихъ бы видахъ ни являлась ему жизнь, она служилъ для него предметомъ благоговѣйныхъ и возвышенныхъ думъ; въ улыбка прекрасныхъ ушъ, въ первомъ вздохѣ дѣвственнаго сердца онъ открываетъ такой же глубокой смыслъ, какъ и въ шумѣ падающихъ царствъ. Здѣсь-по въ святилицѣ идей, на сей высотѣ Сіонской, недоступной превогамъ земнымъ, храмъ чистой красоты; здѣсь являешся она въ образѣ *истиннаго и благаго*, примирительницею всѣхъ разногласій, всѣхъ противуборствъ, средопочіемъ всѣхъ явленій и конечною цѣлю всякаго развитія жизни. Удивительно ли, что для генія, получившаго направленіе, какое мы здѣсь изображаемъ, все въ природѣ и жизни облагороживаешся и украшаешся, что грубыя ихъ спороны, принадлежація земнымъ назначеніямъ, дѣлаюшся или невидными или измѣняюшъ свой характеръ, какъ орудія, какъ средства высшихъ цѣлей? Такое душевное созерцаніе вещей мечта ли только разгоряченнаго воображенія? Не

есть ли это напрошивъ истина спрогая, истина по превосходству — истина, которую человекъ не можетъ обнять умомъ, но которую въ состояніи принять сердцемъ и озарить ею все пресмыкающееся въ прахъ земномъ? И вопль гдѣ источникъ этого возбужденнаго состоянія души, въ которомъ все ея силы приходятъ въ гармоническое настроеніе и движущаяся въ полномъ, богатомъ, свободномъ разливѣ жизни, неспѣсняемомъ ни какими частными, эгоистическими или механическими отношеніями. Вопль гдѣ источникъ этого вдохновенія, которое окрыляетъ мысль поэта, дѣлая ее въ тоже время плодотворною и жизненною, сообщаетъ пламень его сердцу и побѣдительную силу его слову.

И такъ идея чистой красоты, или что все равно, идея жизни въ ея идеальномъ и вмѣстѣ гармоническомъ настроеніи, дѣлается господствующею въ геніѣ поэтическомъ. Въ этой идеѣ сосредоточивается не сила *познанія*, но сила *ощущенія*, — потому ее и называютъ въ субъективномъ смыслѣ *чувствомъ изящнаго*. Недовольно родиться съ нимъ (это удѣлъ всехъ людей), надобно, чтобы оно бы-

ло преобладающимъ въ душѣ поэта; надобно, чтобы пробужденное одинъ разъ высшимъ возрѣніемъ на жизнь и природу, оно соединило въ себѣ и умъ и волю его, и сдѣлалось средоточіемъ всѣхъ ихъ движеній. Въ этомъ-то родѣ сосредоточенности нравственныхъ силъ и заключается основа поэпическаго могущества. Тушъ начало поэпической дѣятельности, начало *творчества*.

Поняііе *творчества* еспъ господствующее въ изящныхъ искусствахъ. Но прежде чѣмъ мы приступимъ къ раскрытію силы, коей оно приводится въ исполненіе, посмотримъ, изъ какихъ побужденій человѣческихъ оно возникаетъ и въ чемъ состоитъ оппичительный его характеръ? Обширное назначеніе человека требуетъ необъяснимаго разнообразія средствъ и орудій для постепеннаго его выполненія. Въ этой огромной машинѣ столько должно быть вставлено и приведено въ движеніе колесъ и пружинъ, столько должно дѣлаться обновленій, перестановокъ, поправленій и п. п., что конечно этого одного уже достаточно, чтобы занять силы самыя могущественныя и дать развитіе дѣя-

пельности само йобширной. Однако жъ такая механическая обработка элементовъ, образующихъ Испорію челоуѣчества, составляетъ только половину призванія нашего. Правда, работы эти распределяются между многими, какъ работы мануфактурныя по системѣ полишико-экономическовъ; каждый долженъ воздѣлывать свой участокъ, имѣть свое ремесло и плодами его уплачивать дань порядку и охраненію цѣлаго. Но и въ такую рабочую хранину проникаетъ лучъ одного и того же всеоживляющаго свѣтила жизни; и здѣсь челоуѣкъ, успавый отъ трудовъ служебныхъ, ищетъ освѣжить себя забвеніемъ своей рабочей доли, или мыслитъ о лучшемъ опредѣненіи существованія, какъ о награды за тяжкое бодрствованіе на спривѣ всеобщаго порядка. Мысль, что онъ исполнилъ свой долгъ и что послѣ этого приобрѣлъ право на припизанія болѣе челоуѣческія, болѣе великія, есть мысль свящая, облагороживающая всякое дѣло земныхъ его нуждъ, мысль, которая на полномъ челѣ его кладетъ печать достоинства и чести. Одни только мелко-умные наблюдатели нравовъ, любя засматывать челоуѣ-

ка въ минуны его домоспроишельныхъ заботъ и нуждъ, не хопяшь прочестъ въ сердць его никакой высшей наклонности, никакого лучшаго побужденія. Въ самомъ дѣлѣ, мы спроримъ великолѣпные города, побѣждаемъ природу, чшобы раздвинуть предѣлы нашей промышленности — мы восходимъ на высшую степень физическаго и полишического усовершенія—и что же? всѣ наши изумляющія созданія перяюшея, какъ почка въ безпредѣльности человѣческаго назначенія. Мы не удовлетворены. Это безбрежное море, это человѣчество совсѣми богатствами своего прошедшаго и наспоющаго и со всѣми надеждами будущаго манишь насъ къ себѣ и говоритъ: «я ваше — возьмите.» Но какъ овладѣшь имъ? Это не лица опредѣленные, не мѣста, не выгоды и отношенія; это иди. Что мы гекубъ или намъ гекуба? говоритъ Шекспиръ, а между шѣмъ ея спенанія изпоргають слезы изъ очей нашихъ. Мы изъ развалинъ Капишонія вызываемъ грознаго генія — влашителя вселенной, что бы пріосѣнись себя его славой; мы принимаемъ въ сердце свое слезы какой нибудь Инесы, чшобы выплакать ихъ сно-

ва для себя; успешные сладкою дружбаю въ нашихъ скорбяхъ, мы спѣшимъ еще передать ихъ грядущимъ поколѣнямъ, увѣренные въ ихъ сладкомъ соучастіи. И пакъ есть въ человѣческомъ сердцѣ стремленіе жить не только своею отдѣльною жизнью, жизнью своего общества, вѣка, но жизнью человѣчества. Это начало нравственнаго расширенія, начало всеобщаго сочувствія въ человѣческомъ родѣ, есть вмѣстѣ и первая причина возбуждающая творческія силы въ человѣкѣ; онѣ стремятся уже произвести не то, что имѣетъ отношеніе только къ извѣстной цѣли нашего личнаго бытія, но то въ чемъ выражалась бы для людей какая либо идея человечества, или лучше сказать, гдѣ человечество являлось бы въ извѣстномъ направленіи и моментѣ своей жизни. Это простая нужда нашей души, но нужда священная, нужда, которая каждое недѣлимое связываетъ брашскими узами совѣми существами, одинаковыми съ нимъ по ихъ жребію и по основнымъ законамъ ихъ природы. Могущество, удовлетворяющее сей нуждѣ, есть могущество творческое, конечно въ усло-

вномъ смыслѣ, сколько, сколько можно приписать его существу конечному. Здѣсь человекъ не руководствуется въ своихъ предначертаніяхъ какимъ либо определеннымъ опытнымъ явленіемъ, которое служило бы ему цѣлю, направляло бы его въ дѣйствіяхъ и предлагало ему средства; напротивъ онъ оставленъ здѣсь самому себѣ въ огромномъ пространствѣ жизни, коей предѣлы, виды и формы онъ долженъ установить самъ. Душа его должна возвыситься надъ многосложными стихіями жизни, овладѣвъ ими, воздвигнуть изъ нихъ новую природу съ гармоническими соотношеніями вещей, гдѣ въ каждомъ недѣлимомъ, какъ въ зеркалѣ, будетъ отражаться что нибудь общее человѣческое. Посмотрите, какая должна быть свобода и какая мощь въ нравственныхъ силахъ, чтобы лучшую очаровательнѣйшую прелесть, нѣжную и вмѣстѣ роскошную сторону человѣческой жизни перелили въ одно недѣлимое существо и сказали ему: *живи*, — и между тѣмъ Шекспиръ это сдѣлалъ — онъ создалъ Юлію. Это собственное его твореніе, для котораго стихія могло дать ему только существо и которое внесли въ бытъ че-

ловѣческой довершеннымъ, полнымъ жизни и движенія могъ только человекъ одаренный силами гениальными. Возьмемъ другой примѣръ: сколько кровавыхъ бореній испыталъ человекъ новѣйшихъ временъ въ дерзновенныхъ припязаніяхъ своего надменнаго ума и въ нищепѣ своей мелкой земной доли! сколько явилъ онъ безумныхъ посягательствъ на высочайшую свободу духа и сколько опытовъ позорнаго рабства! сколько преступленій, совершенныхъ на дѣлѣ и несбывшихся мечпаній о доблести. Здѣсь такъ много жизни взятой изъ природы и судьбы человеческой, что кажется нѣсколькимъ вѣкамъ неизчерпать бы эпою глубины спросей: — но предъ вами Фаустъ великаго Гете и эпои вѣка сократились для васъ въ пространствѣ одной жизни, ихъ богатство разлилось въ біеніи сердца нѣсколькихъ лицъ.

Въ поэтическомъ возрѣніи на жизнь шворящаго гениа надобно различить однакожь два направленія: одно направленіе къ жизни, другое къ устройству ея, къ ея формамъ. Эпо устройство есть чистая гармонія, красота. Сознаніе жизни идеальной, какъ мы видѣли выше, ведетъ къ сознанію красоты, но еще

неслуживъ, шакъ сказать, полнымъ обезпеченіемъ ея въ швореніи. Вопшь почему мы много находимъ произведеній, ознаменованныхъ печатью высокаго поэпическаго достоинства, но въ шже время лишенныхъ эпой внушрней гармоніи и единства, кошорые дѣлають швореніе сполько же высокимъ въ художественномъ опношеніи, сколько оно богато содержаніемъ. Таковы всѣ произведенія первоначальной народной поэзіи, гдѣ болъе преобладаетъ идея жизни, чѣмъ красота. Надобно, чшобы могучія шпремленія къ идеальной жизни были приведены къ полному сознанію законности; эта мысль должна руководить художникомъ независимо опъ его вдохновенныхъ созерцаній. Не должно никогда забывашъ сей истины въ искусствѣ: иначе оно легко можешъ сдѣлаться жершвою бурныхъ движеній духа, кошорый будешъ искашь повсюду эффекта, какъ проявленія жизни, не заботясь о истинѣ его. Разумъ на высотѣ идей шагой же властелинъ человѣческихъ начинаній, какъ и въ мелкихъ планахъ жипшейской мудрости.

Творящая сила генія поэпическаго еспъ его *фантазія*, дѣйшвуюющая по идеямъ разу-

ма. Высшія порожденія ея суть образы. Геній не только исполняется живымъ ощущеніемъ идеальной жизни, но и спавишь ее въ прошивуположеносшь съ собою, какъ въ высочайшей степенн мышлящая сила; — тогда жизнь сія должна вмѣспнпться предъ нимъ въ определенное проспранство и время, должна прннпшь на себя характеръ конечнаго, дѣйсствительнаго явленія. Оно самоспоятельно, потому что опрѣшилось опъ внутрспеннихъ движеній его духа; поэтому оно спавовнпсь вполне индивидуальнымъ, слѣд. органически живымъ. Таково происхождение образовъ. Они не суть пусшы вымыслы, игра слѣпаго произвнла, или минушнон субъективной воспорженноснн — это жизнь и слѣд. Испнна. Это спущспвенносшь, законъ, порядокъ, судьба. Геній поэщическій не вымышляетъ идей — онъ находитъ ихъ въ природѣ и человѣчеспвѣ, но сплою своего пворческаго могущеспва онъ опкрываетъ ихъ вамъ не въ самомъ себѣ, не въ опвлечспныхъ предспавленіяхъ, а въ определенныхъ, живыхъ, движущихся созданіяхъ; это испннное, полное воплощеніе невидимаго, осуществленіе безконеч-

наго въ конечномъ. Матеріалы для самыхъ образовъ фантазія находишь въ природѣ и чело-вѣчесствѣ; но они выходящъ изъ глубины ея съ такимъ характеромъ и организаціей, ка-кихъ ни въ природѣ, ни въ чело-вѣчесствѣ не-бываешъ. Эшо идеалы.—

Однакожь созданіе образовъ, сколь бы они ни были идеальны, не обнаруживаешъ еще вполне пворящаго могущества. Они не сущъ испуганы не подвижны; полные жизни, они должны развиващъ, дѣйствоващъ, они дол-жны громко провозвѣщащъ сокрытую въ нихъ идею; однимъ словомъ, должны имѣть свою судьбу, свою испорію; — все эшо даешъ имъ поэпическій геній. Вопъ откуда возникаешъ рядъ *отношеній и обстоятельствъ*, копорыя созданію поэпическому дающъ видъ сложнаго и разнообразнаго цѣлаго. И такъ геній пво-рящій не только даешъ бышіе идеальнымъ образамъ, но и хранищъ ихъ и обогощаешъ; онъ не только создѣй, но и домовладыка. Если въ возвышенномъ своемъ полетѣ онъ могъ сначала удалиться на необьянное разспоаніе отъ дѣйствительнаго порядка вещей, то здѣсь онъ снова въ него входитъ, примиряешъ

ся съ нимъ, заспавляя свои созданія жишь по законамъ дѣйствительной жизни, или, что все равно, по законамъ природы.

Изъ этого слѣдуетъ, что истинно Геніальный способъ поэпического развитія идеи есть *разнообразіе* и *Гармонія*. Общее разлагается здѣсь на частное, индивидуальное и каждая частность, вступаая въ соотношеніе съ другою, дѣлается органическою принадлежностію цѣлаго. Но что же будетъ руководить Генія въ эпозъ многосложномъ лабиринтѣ лицъ, вещей и событій? Основная идея, коею онъ проникнутъ, которую онъ хранилъ и лелеялъ въ своемъ сердцѣ и которую долженъ наконецъ явить свѣшу. Она служишь для него источникомъ постояннаго, неоскудѣвающаго воодушевленія, хранилищемъ образовъ и вмѣстѣ звѣздой путеводной. Здѣсь заключается средоточіе, *единство* творенія. Въ каждомъ произведеніи великаго поэта мы видимъ дѣйствительно преобладаніе одной идеи; эпо-шо въ особенности доказываетъ его превосходство надъ полною обыкновенныхъ дарованій. Они не могутъ понести бремени той жизни, которая заключается въ опре-

дѣленномъ поэтическомъ возрѣніи; они могутъ схватить только одинъ какой нибудь моментъ ея развитія, уловить одну разительную черту; далѣе, глубже они не проникаютъ и упомянутые тщетно съ ней борьбою, они спѣшатъ оставить свое дѣло недовершивъ его, или довершивъ не вполне, какъ нибудь. Между тѣмъ гений свободно, величественно обшекаетъ весь кругъ, очерчиваемый предъ нимъ его идей; онъ развертываетъ ее во всей таинственной ея глубинѣ. Слишкомъ воедино предъ глазами его дробится на отрывки, разноситъ; безчисленные образы встаютъ предъ нимъ и привѣщивая своего творца улыбкою чистѣйшей жизни, движутся дружно и стройно, подобно Мифологическимъ хориамъ Древнихъ. — Такъ предъ зрительною трубою астронома развертывается необъятное пространство небесъ съ ихъ мірами; млечная полоса блестящихъ милліонами звѣздъ. Онъ опредѣляетъ разноситъ ихъ, устройство, величину и движеніе. Ихъ дивная гармонія не есть уже для него одно отвлеченное понятіе; это живая картина, предметъ для созерцанія, а не для од-

ного холодного ума. Око видишь ее и ухо кажешся слышишь шелестъ движущихся въ ней силъ. Онъ не заблудшійся спранникъ въ небѣ; онъ жипель его, обозрѣвающій мощнымъ духомъ своимъ это великое домоспроишельство жизни — и подобно Невтону, преклонивъ свое чело, онъ, кажешся, ощущаешъ надъ собою тихое вѣянiе руки, проспершой надъ сею пучиною мiровъ, въ ихъ напушпвованiе и охраненiе.

Изъ этого видно, что генiй поэта сполько же надъленъ спрогимъ и вѣрнымъ разсудкомъ, сколько глубиною эспешического чувспва и шворческой фантазiей. Иначе, какимъ бы образомъ онъ располагалъ опношенiями, приводилъ въ успройство многосложные элементы раскрывающiеся въ его идеѣ? Это разсудокъ, но разсудокъ посвященный въ шайны шворчеспва; разсудокъ, кошорый дѣйспвуетъ подъ влiянiемъ совершенно особеннаго возрѣнiя на вещи, нежели умъ философа; разсудокъ, кошорый не сполько познаешъ, но и созерцаешъ, — разсудокъ, кошорому суждено подвизашъся для идеаловъ, успроивая ихъ пребыванiе на землѣ, облакая ихъ во всѣ формы

дѣйствительности, ему одному только доступныя, а не фантазии.

Разнообразіе, гармонія и единство составляютъ красоту. Этому происшедшему закону подчинены все явленія природы; но мы не довольствуемся ими. Часто эстетъ законъ дѣйствуетъ не для того, чтобы дать жизни всевозможную полную и совершенную, но для того только, чтобы поддерживать механизмъ ея. Поэтому часто эстетическое употребленіе или приложеніе этого закона мы находимъ только въ идеальныхъ созданіяхъ. Въ нихъ только разнообразіе, гармонія и единство являющіяся какъ формы изящнаго и плѣняющія насъ самобытно, какъ знаменія высочайшей, совершеннѣйшей жизни. Опять того въ разнообразіи мы видимъ — индивидуальность; въ гармоніи непроемое сдѣленіе, или прилаживаніе вещей, но союзъ свободы, опредѣляемый любовью и взаимными потребностями — а въ единствѣ всеоживляющую вѣчную идею. Въ твореніяхъ поэтическаго гения рѣдко сіи элементы красоты уравниваются, что зависитъ безъ сомнѣнія опъ

личнаго его характера. Иногда преобладаетъ разнообразіе надъ единствомъ, или единство надъ разнообразіемъ, иногда гармонія высказывается, такъ сказать, напоказъ. Въ первомъ случаѣ красота поражаетъ насъ неисчислимою роскошью и богатствомъ жизни; нѣтъ черствы, гдѣ бы она не являлась въ высшей степени своего развитія. Каждое явленіе, опшѣняея своимъ собственнымъ характеромъ и фізіогномією; каждое явленіе независимо, беззаботно разцвѣтаетъ во всѣхъ силахъ своихъ, дышетъ для свободы, для счастья и упоенія — оно живетъ только для жизни. И вопль гдѣ гений поэтической принимаетъ на себя характеръ не выразио очаровательный, характеръ *граціозности*. Она чадо разнообразія, чадо идеи, разившейся до всевозможныхъ формъ индивидуальности. Чѣмъ мѣльче дробится жизнь идеальная, тѣмъ она ближе подходитъ къ граціозному значенію — и здѣсь грація являея, какъ тонкое едва замѣтное обозначеніе и выраженіе жизни. Эта тонкость составляетъ важное условіе граціозности и однакожь ее нельзя достигнуть, безъ игривости и легкости. Образовавшаяся

въ душѣ генія изъ эпихъ элементарныхъ движеній, грація порхаешь, а не идешь, извиваешься, а не спремешься. Она обозначаетъ себя прикосновеніемъ; ея слѣды переливы, а не бразды. Радость ея — улыбка, а не хохотъ; ея печаль — слезы, а нерыданія. Грація есть женскость. Она вся сладость, очарованіе, нѣжность. Она смягчаетъ порывы роскошнаго упоенія, спенанія восторга ея превращающагося въ прерывистый, неясный лепетъ — или слово скользишь на устахъ ея и рождаясь въ шопотъ, оно умираетъ во вздохъ. — Гдѣ въ возрѣніи преобладаетъ единство, тамъ поэтическій геній принимаетъ характеръ *высокій, величественный* — и тогда индивидуальныя разносши подчиняющагося идеѣ цѣлаго, безконечнаго. Тутъ значеніе жизни уступаетъ значенію закона и судьбы; тутъ нѣтъ свободной игры и движенія силъ, нѣтъ легкихъ извивовъ, оппѣнковъ, переходовъ, копорыми ознаменовываетъ себя пвореніе въ живомъ радостномъ сознаніи своего личнаго бытія, спараясь уловить всевозможныя проявленія жизни, испивая чашу ея по капль безъ помѣхи и препяшествій. Изъ опдѣльныхъ силъ здѣсь

воздвигается одно могущественно, которое въ единенномъ своемъ величїи кажется, подобно сапурну, пожирающимъ собственнхъ своихъ дѣшей. Все движется вокругъ него только для того, чтобы повергнуться къ его подножію; это вселенная, коей всякая пварь должна принести себя въ жертву охотно и безропотно, если только потребуетъ того строгій законъ ея непреложнаго порядка; это вѣчность, обновляющаяся въ могилахъ и развалинахъ; это герой, погружившій все прельщенїя сердца въ одной мысли народа, человѣчества, попомства. Вотъ почему поэпическій геній оборотившій къ себѣ жизнь эпою стороною, даетъ намъ образы и карпны всегда величественныя, колосальныя, иногда торжественныя, иногда грозныя, но болпшею частію мрачныя, нерѣдко съ примѣсью таинственности и чего то неопредѣленнаго. — Наконецъ преобладающая идея гармонїи кладетъ на поэпическое твореніе печать такъ называемой правильной, стройной красоты; такъ какъ здѣсь не только выражается жизнь, сколько ея отношенїя, то эта красо-

ша легко можешъ въ произведеніяхъ обыкновеннаго таланта превратиться въ холодный формализмъ. Одинъ гений можешъ избѣжать эшаго недоспапка, или эшаго излишества; изъ двухъ крайностей — разнообразія и гармоніи скорѣе можно найши въ немъ избытокъ перваго, произтекающей опъ избытка жизни, чѣмъ исключительное преобладаніе послѣдней, гдѣ жизнь пожертвована слишкомъ строгому и мелочному устройству частностей.

Теперь обратимся къ тому отношенію, въ какомъ гений поэтической находится къ формамъ, къ искусству. Существующія въ поэзи формы не иное что, какъ *известные способы* раскрытія и проявленія идеальной жизни, какъ известные границы, въ коихъ жизнь сія получаетъ опредѣленность. Ихъ называютъ учеными именами, по Гречески, потому что Греки первые съ ними встрѣтились въ разнообразномъ развитіи своей поэзи и первые ихъ назвали. Будемъ держаться этихъ наименованій, потому что съ ними сопрягается смыслъ общепонятный. Дѣло въ томъ, что идеальная жизнь, сей необъятный потокъ свѣта, красоты и блаженства будучи

низводима въ сферу человѣческаго, должна бышь
опредѣлена и усурена мѣроу человѣческихъ
силъ, способовъ и жизни. Человѣкъ дѣлается
здѣсь зодчимъ только для самого себя. Како-
вы бы нибыли стремленія поэтического генія,
куда бы взоръ его ни проспирался въ беско-
нечномъ пространствѣ идей, какіе бы обра-
зы красочны нисозидала его фантазія — для
всѣхъ ихъ выраженіемъ, обликомъ, провозвѣсп-
никомъ будешь дѣйствительный человѣкъ,
человѣкъ подчиненный условіямъ времени и
пространства. Почему въ самомъ свободномъ
въ самомъ опвлеченномъ, пакъ сказашь, пред-
ставленіи изящества, надобно обращаться
къ формамъ жизни человеческой, или лучше
сказашь, къ формамъ жизни свободно - разум-
ной. Цѣлое мірозданіе съ его гармоніей бу-
дешь неиное что, какъ вѣчная смерть, какъ
сухая грамада косшей, если оно не опразит-
ся въ сердечномъ препенѣ мысляющаго и
самосознающаго существа, если по немъ не про-
мчидся гулъ его скорбей и радостей, его сво-
боды, шоржеспвѣ и гибели. Вошь почему
всякое поэтическое произведеніе ешь неиное
что, какъ человѣкъ развернутый въ изгибахъ

*Училище
литературы
и искусства*

своего сердца, шествующій въ лабиринтъ своихъ судебъ. Природа внѣшняя служишь здѣсь только предесталомъ, на кошоромъ спавляешя многоспоронній ликъ сего прошея, въ коемъ жизнь движешя по всѣмъ направленіямъ времени и проспрансшва, во всѣхъ возможныхъ степеняхъ развишія, во всѣхъ возможныхъ шипахъ и въ шоже время слѣдуешъ законамъ проспшымъ и неизмѣннымъ.

И шакъ формы человѣческой жизни супъ вмѣшшь съ шѣмъ и формы для созданій Поэшическаго Генія. Мы находимъ, что она вся обращена или внушрь души, гдѣ разцвѣшаешъ она въ многообразныхъ порывахъ и движеніяхъ, гдѣ вся она ешъ сознаніе; или переходишь во внѣшній міръ, въ начинанія свободы, дѣлаешя Ишпоріей. Посему форма внушренняго самоощущенія и форма Ишпоріи супъ два вмѣспилища сей жизни и вмѣшшь съ шѣмъ двѣ главныя формы, въ кошорыхъ идеальное дѣлаешя опредѣленнымъ живымъ явленіемъ, или карпиною — предметомъ для созерцанія. Первой формѣ присвоено названіе *Лирики*, второю, наименованіи *Эпоса*. Обращимся ли мы къ древнѣйшимъ произведеніямъ — къ Индѣй-

скимъ космогоніямъ и Теогоніямъ, къ Гре-
ческимъ ли художественно - образцовымъ про-
изведеніямъ, — все равно — всѣ первообраз-
ныя идеальныя движенія духа выразились
первоначально въ полныхъ опзвучіяхъ само-
ощущенія и въ историческихъ актахъ и по-
спроеніяхъ, — въ Лирикѣ и Эпопѣ; всѣ свя-
заны, сложены и организованы по законамъ
сердца и внѣшней дѣятельности. Но если бы
какой либо народъ достигъ такого развитія
самоощущенія, нравственной свободы и граж-
данственности, что человѣческое лицо среди
него предспало бы во всемъ величій самодѣ-
тельности, тогда народъ эпошъ ознакомился
бы съ новымъ высшимъ элементомъ жизни и
въ поэзіи онъ создалъ бы драму. Въ самомъ
дѣлѣ полное развитіе и образованіе драмы
возможно только на высшей степеніи разви-
тія духовной жизни. Ни у одного народа дре-
вноспи, кромѣ Грековъ, драматическіе элемен-
ты не могли совершенно опдѣлиться опъ
Лирики и Эпопеи, чтобы соспавились спрой-
ную и самобытную форму. Поэзіи; тамъ че-
ловѣкъ былъ болѣе или менѣе жерпвою ка-
кой нибудь касты и упопалъ съ своею лич-

носпію въ пошокъ судьбъ , увлекавшемъ цѣ-
лыя массы общесства; индивидуальность сми-
рялась предъ спрогимъ закономъ общаго по-
рядка. Одинъ Грекъ способенъ былъ создашь
драму, какъ художественное произведеніе, по-
тому что спихи для ней находилъ не въ умѣ
своемъ или воображеніи, но въ жизни. Хошя
сдѣсь религія неблагопріятствовала пакже пол-
ному развицію личности въ человекѣ (это
могло сдѣлать только Христіанство); но въ
замѣнь эпого за нее ходатайствовали обще-
ственные учрежденія. Сіе-шо движеніе лично-
стей разнообразныхъ и противоположныхъ,
сія игра спраспей, дѣлавшая, повидимому, че-
ловѣка, независимо ошъ судьбы, и причиною и
жертвою общественныхъ его начинаній, перейдя
въ поэзію, не могли уже довольствоваться обы-
кновеннымъ историческимъ изложеніемъ; они
спребовали формы болѣе сообразной со вну-
треннимъ своимъ значеніемъ, формы болѣе,
пакъ сказашь, сосредоточенной, спребовали
дѣйствія въ настоящемъ, не разказа, но пред-
ставленія, полного и окончательнаго олице-
створенія идей.

Поэтический Геній непринравливаетъ сво-

ихъ идей къ условіямъ формы; она сама извлекаешь изъ его духа, какъ необходимый способъ для раскрытія первыхъ. Онъ бываетъ Лирикомъ, Эпикомъ или Драмапикомъ, не думая о томъ; онъ былъ бы однимъ изъ нихъ, если бы даже не вѣдалъ ничего о художественномъ ихъ значеніи. Для него существующе только одни формы дѣйствительной жизни. Онъ не только созидаетъ лица, но и вводитъ ихъ въ опредѣленный кругъ дѣятельности, заставляешь ихъ послушаться по извѣстнымъ побужденіямъ, развиваетъ лишь повѣсти съ соблюденіемъ извѣстныхъ условій постепенности и т. п. все это дѣлаетъ потому, что точно такимъ же путемъ и по такимъ же законамъ развивается жизнь человѣческая. Но самая физиогномія, типы его созданій принадлежатъ ему, или лучше сказать, обнятой имъ идеѣ.

И такъ отношеній Генія къ Искусству не должно опредѣлять условіями Техники. Условія эти важны; они споры Искусства, какъ самостоятельнаго историческаго явленія въ человѣчествѣ; они составляютъ въ

немъ поже, что въ органическомъ шѣлѣ процессы пишанія и расшипельности. Геній ихъ не уничтожаетъ; но онъ подчиняетъ ихъ совершенно своимъ идеямъ; это простыя орудія и средства для него, коихъ онъ не удостоиваетъ даже замѣнить, какъ идущій не замѣчаетъ шаговъ своихъ. Не здѣсь надобно собирать матеріалы для оцѣнки его. Онъ влагаетъ душу въ Искусство; даетъ этому шѣлу жизнь и движеніе. Оно обновляется его духомъ, получаетъ отъ него ту силу, которая дѣлаетъ его могучимъ двигателемъ умовъ и сердець, силу идей. Отъ Генія зависить эпоха усовершенствованія Искусства. Ему принадлежитъ законодательная власть надъ нимъ; будучи представителемъ своего вѣка, онъ одинъ имѣетъ право опредѣлять духъ его и выражать его требованія. Съ царственной высоты своей располагая судьбами Искусства, онъ оставляетъ Министрамъ своимъ — талантамъ заниматься частностями, административнымъ устройствомъ своей державы. Наконецъ, посредствомъ его Искусство входитъ въ соотношеніе съ судьбою человѣче-

спва: ибо шолько Генію дсступны вѣчныя и непреложныя истины послѣдняго.

Теперь намъ не шрудно обозначить главныя эстетическія свойства всякаго Геніальнаго произведенія Поэзіи. *Первое* — оно *самобытно*, будеше ли вы разсмащривать его въ отношеніи къ содержанию, или въ отношеніи къ формѣ. Оно образовалось прямымъ естественнымъ пушемъ въ его духъ изъ вѣчныхъ идей человѣческаго, а не возникло изъ искусственныхъ построеній ума художественнаго. Эпо не списокъ — эпо твореніе; оно началось могущесвомъ одной силы и могущесвомъ эпой силы довершаешся. Никакое чуждое вліяніе не прикасалось сему державному величію души человѣческой, гдѣ ея силы являющся во всей дѣвственной своей чистотѣ — гдѣ чувство возбуждаешся шолько красотой, гдѣ умъ слагаетъ думы самъ, и воля рѣшитъ свое дѣло — собою. Чашо смѣшивающъ оригинальность творенія съ самобытностью; но первое есть шолько обнаруженіе личнаго характера писателя — какое же намъ дѣло до него? Эпо можетъ бытъ предметомъ Психологическаго изученія, но для

искусства исключительная физиогномія ничего не значить. Пусть дадутъ намъ идеи чело-вѣческія, идеи ваши и мои, или идеи вѣка, что все равно — пусть эти идеи выразяш-ся въ твореніи по законамъ природы, но пусть онѣ поспавяютъ меня на высоту, до которой бы я самъ никогда не могъ достигнуть — мы увидимъ въ этомъ твореніи чистую божественную жизнь безъ суешныхъ прикрасъ, безъ искаженій, оскверняющихъ ее въ земномъ шеченіи — мы назовемъ его самобытнымъ. Идеи такого творенія не умираютъ. Это живыя части живаго челоѳческаго организма, ко-порый создается и будетъ создаваться вѣчно. Въ глубокой опдаленности вѣковъ возникла мысль: она часть моей и вашей души. Это часть, это мышца которою живешь и дви-жешься шѣло XIX вѣка. Выкиньте эту мысль изъ Исторіи — челоѳческому современному будетъ недоспавать одной нужной капли кро-ви; оно не будетъ здорово. Оно пошло бы дру-гимъ путемъ, — какимъ? не знаемъ — но по-шло бы другимъ путемъ. И такъ твореніе Поэтическаго Генія самобытно, потому что въ немъ осуществляютъ, доходяшя до созна-

нія нашего, не опредѣльныя, разбросанныя чер-
пы нравовъ, конвульси или легкіе переливы
общественной жизни, но идеи.

Изъ этого происпекаетъ другое эстетиче-
ское качество Геніальнаго произведенія —
свобода. Оно есть чисто эстетическое про-
изведеніе — и не болѣе. Ищите въ немъ жи-
зни идеальной, ищите разнообразія, гармоніи
и единства въ развитіи эпохи жизни — но
не пребудьте ни назиданія, ни усовершенія
умственного. Для чего же оно существуетъ?
Всякое дѣло человѣческое имѣетъ опредѣлен-
ную цѣль. — Именно для того, чтобы привести
у васъ въ забвеніе всякую вашу цѣль — что-
бы вы хотя на минушу переспали бытъ ра-
бами вашихъ мелкихъ спрасшей и сдѣлались
людьми, ощутили въ себѣ сладость полного че-
ловѣческаго существованія. Все въ начинаніяхъ
нашихъ болѣе или менѣе эгоизмъ — только
Поэзія не знаетъ его. — Поэпическій Геній, ка-
кое бы направленіе не имѣлъ по духу вѣка
и народа, не можетъ сдѣлаться дидакти-
комъ, непрошивоборствуя своему назначенію.
Дидактика въ Поэзіи являлась всегда во дни
ея упадка.

Наконецъ шреше качество Геніально-поэтического произведенія ешь *истина, естественность*. Спранное дѣло! вамъ представляющя лики, запечашлѣнные какою-шо небесною физиогноміею, лики, коимъ соопшвѣшующаго недѣлимага вы не найдете во всемъ вашемъ современномъ мѣрѣ — а между шѣмъ они люди, они вы и я. Всѣ опношенія дѣйствительнаго быша, всѣ условія развитія жизни, какою мы живемъ, соблюдены съ шакою строгостію, что вы часно впадаете въ искушеніе принять шворческое созданіе за списокъ. Эшо-шо соединеніе идеальнаго съ дѣйствительнымъ — соспавляетъ въ швореніи Генія самое удивительное явленіе. Глубокъ, величественъ и недосягаемъ для мелкихъ умовъ, онъ въ шже время проситъ, какъ ваша забота о насущномъ благѣ дня. Кажется онъ не сходилъ съ земли — а между шѣмъ однакожъ въ присушствіи его вы испытываете шже, что испытываете бесѣдуя съ великимъ человекомъ, кошорый ходитъ, смопришъ, говоритъ какъ вы — но что онъ не вы, эшо вы чувствуете по сердечному вашему шрепету, по непреодолимому чувству смиренія. По-

смоприше на карпины Геніального Поэпа, прислунайшесь къ его языку — онъ можеть васъ изумить, попряспи до уничтоженія прежде, чѣмъ вы замѣните какую черпою, или какимъ словомъ производить онъ эпо волшебство: пакъ мало выпавляеть онъ себя на показъ, и пакъ кажеться онъ обыкновеннымъ во всемъ, кромѣ дѣйствія имъ производимаго. Опъ чего же эпо? опъ того, что Геній идеть прямымъ нушемъ природы и хорошо знакомъ съ ея успавами.

Нужно ли Генію образование? Часпо говорятъ, что такой-по Геніальный писатель былъ бы гораздо выше, если бы онъ получилъ *надлежащее* образование? Но что подъ эшимъ разумѣють? Науки ли, познанія, или извѣстное наспроснѣ эстетическаго чувства? Если первое, то объ немъ не нужно напоминать Генію: самое стремленіе его къ творчеству повлечеть къ изученію всего того, съ чѣмъ оно имѣеть соприкосновеніе, чѣмъ укрьпляеться его сила и что дастъ ему или матерію для образовъ, или краски для живописанія. Изученіе быша человѣческаго и природы конечно въ семъ смыслѣ будетъ главнымъ его дѣломъ.

Нѣтъ, кажешся, нужды напоминать здѣсь, что не школа разкрываетъ передъ нимъ великія ихъ тайны, но жизнь и опытъ. Изъ школы злополучій особенно гений износишь истины самыя глубокія и самыя вѣрныя — и судьба никогда нескупишься обогащать его уроками этого рода. — Но не получаешь ли наконецъ гений извнѣ эстетическаго направленія? Такая мысль была бы оскорбленіемъ его величія. Съ понятіемъ творчества уже соединяется понятіе совершенно самостоятельнаго способа дѣятельности; гений поэтической пошому и есть гений творчій, что онъ въ самомъ себѣ носитъ начало всѣхъ своихъ движеній; самые недоспадки его суть неоправданные послѣдствія его первоначальнаго возрѣнія на вещи и шѣхъ глубокихъ впечатлѣній, какія способно было принять одно его сердце: это увлеченіе рока, воздвигшагося въ нѣдрахъ его собственнаго духа. Видѣли ли вы на небѣ эту звѣзду? спросилъ Наполеонъ у одного изъ своихъ приближенныхъ, когда сей послѣдній изъявилъ свой паническій ужасъ, услышавъ отъ него о новыхъ исполинскихъ предпріятіяхъ. Нѣтъ, Государь — опивчалъ

онъ — теперь день. — А я такъ вижу ее
возразилъ сынъ судьбы. — Такъ и у Поэти-
ческаго Генія есть своя путеводная звѣзда,
которая ему одному свѣтитъ и которая од-
на ведетъ его въ Искусствѣ или къ Капи-
шолю, или къ скалѣ Тарпейской.

146

22

2007056709